

Н.С. Степанов

**ВЛИЯНИЕ ЕАЭС И ОПОП НА УСКОРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ И КИТАЯ**

Аннотация. На развитие мировой экономики в настоящее время все возрастающее влияние оказывают региональная экономическая международная организация Евроазиатского экономического сотрудничества (ЕАЭС), в которую входит РФ, и китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП). Важной составляющей их взаимодействия является гармонизация и сопряжение деятельности этих двух начинаний, несущих как новые возможности, так и определенные риски, связанные с неоднозначным восприятием, а иногда и препятствованием осуществлению отдельных проектов. В предлагаемой статье делается попытка анализа комплекса сложных проблем на этом тернистом пути. Подчеркивается, что ЕАЭС и ОПОП не соревнуются друг с другом, а стремятся дополнить друг друга, руководствуясь различными теоретическими концепциями. Так, идеология ЕАЭС строится на защите внутреннего рынка стран, входящих в эту организацию, а парадигма китайской инициативы подразумевает создание объемных зон свободной торговли. Наряду с торгово-экономическими отношениями уделяется внимание и вопросам усложненного перевода платежей в банковской сфере между РФ и КНР, системе государственно-частного партнерства, выставочной деятельности, экспорту российского леса в Китай, проекту «Туманган», где участвуют РФ, КНР, Монголия и оба корейских государства – КНДР и Южная Корея. Подробно освещается отношение Китая со странами, ранее входившими в состав СССР, и уровень стратегического партнерства России и Китая в экономике и геополитике. При создании ЕАЭС изначально предполагалось сопряжение его деятельности с ОПОП. В настоящий момент можно констатировать, что сложились зачатки, не похожие на обычное, достаточно оригинальное разделение труда между ними. На долю Китая в основном приходятся экономическое сотрудничество и осуществление инфраструктурных проектов, а Россия, будучи военной сверхдержавой, концентрирует свои действия в сфере обеспечения безопасности, что, впрочем, не означает ослабления экономической активности РФ в странах Центральной Азии или снижения роли КНР в деле поддержания коллективной безопасности.

Россия не планирует брать на себя обязательства, которые могли бы превратить сотрудничество с КНР в антиамериканский альянс, а будет продолжать использовать все рычаги, например ШОС, для укрепления системы коллективной безопасности, а также прилагать усилия для совершенствования гармонизации через сопряжение работы ЕАЭС с китайской инициативой ОПОП.

Ключевые слова: ЕАЭС; ОППО; гармонизация; сопряжение; проект «Туманган»; инфраструктурный проект; ускоренная модернизация; стратегическое партнерство; лесная промышленность.

Степанов Никита Сергеевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития, Института экономики РАН, Россия, Москва.
E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020

Stepanov N.S. The Impact of the EEU and B&R Initiative on the Modernization of the Economic Development Models of Russia and China

Abstract. *The development of the world economy is currently increasingly influenced by the regional economic international organization of Eurasian Economic Union (EEU), which includes the Russian Federation, and the Chinese initiative «Belt and Road» (B&R). An important component of their interaction is the harmonization and conjugation of the activities of these two undertakings, which bring both new opportunities and certain risks associated with ambiguous perception, and sometimes hindering the implementation of individual projects. In this article, an attempt is made to analyze the emerging confusing linkage of problems along this thorny path. It is emphasized that the EEU and the B&R do not compete with each other but strive to complement each other, guided by various theoretical concepts. So the ideology of the EEU is based on protecting the domestic market of the countries included in this organization, while the paradigm of the Chinese initiative implies the creation of voluminous free trade zones. Attention is also paid to trade and economic relations and the complicated transfer of payments in the banking sector between the Russian Federation and the PRC, the system of public-private partnerships, exhibition activities, the export of Russian timber to China, the Tumangan project, which involves the Russian Federation, China, Mongolia and both Korean states – DPRK and South Korea. China's relations with the post-Soviet countries and the level of strategic partnership between Russia and China in the economy and geopolitics are described in detail. When the EEU was created, it was initially supposed to combine its activities with the B&R; at the moment, the division of labor between the two seems to be taking on new forms. China prioritizes economic cooperation and the implementation of infrastructure projects, while Russia, as a military superpower, concentrates its actions in the field of security. This, however, does not mean a weakening of the economic activity of the Russian Federation in the countries of Central Asia or a decrease in the role of PRC in maintaining collective security.*

Russia does not plan to make commitments that could turn cooperation with China into an anti-American alliance but will continue to use all the levers, for example, the Shanghai Cooperation Organization, to strengthen the collective security system, while making efforts to improve harmonization between the two countries by connecting the EEU with the Chinese B&R initiative.

Keywords: EEU; B&R; harmonization; interfacing; Tumangan project; infrastructure project; accelerated modernization; strategic partnership; forest industry.

**Stepanov Nikita Sergeevich – Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher, Center of Institutions of Social
and Economic Development, Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Russia, Moscow. E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020**

Идея возникновения инициативы, называемой сейчас «Один пояс – один путь» (ОПОП), впервые была озвучена еще в 2013 г.

С той поры были подписаны соглашения о сотрудничестве по реализации данного проекта между КНР и 106 государствами и 29 международными организациями. Общая сумма инвестиций в страны, через которые пройдет маршрут, превысила, по последним данным, 80 млрд долл. Объемы торговли между Китаем и этими же странами достигли 6 трлн долл. Разумеется, не обошлось и без проблем, большинство которых были обусловлены либо недостаточным уровнем технической проработанности проектов и согласованности их с властями отдельных государств, либо с непониманием их руководителями (например, Киргизии или Туркмении) всех финансовых аспектов сотрудничества, когда китайские кредиты и инвестиции в рамках ОПОП воспринимались не только как возможность заткнуть свои бюджетные дыры, но и зачастую как способ присвоения средств в целях личного обогащения. Когда же пришло время отчитываться за потраченные суммы и рассчитываться по взятым займам, начались проблемы. В последнее время, взявшая изначально крутой старт инициатива ОПОП немного уменьшила свой напор, что не в последнюю очередь связано с переоценкой и пересмотром ряда наиболее значимых инфраструктурных замыслов в свете снижения расходов. Это позволяет сделать заключение о том, что повышенная активность, скорее напоминавшая агрессивность наступательно-захватнического толка, серьезно ослабла. Стал заметен переход от усилий по заключению новых соглашений о свободной торговле к оздоровлению инвестиционной политики и совершенствованию системы услуг.

Договор о создании международной организации Евроазиатского экономического сотрудничества (ЕАЭС) вступил в силу с 1 января 2015 г., но зародилась идея еще в марте 1994 г. в ходе первого официального визита в РФ президента Казахстана Н. Назарбаева.

С самого начала важной составной частью функций объединения считалось сопряжение с ОПОП. В настоящее время ЕАЭС стремится к тому, чтобы считаться ядром концептуальной региональной экономической интеграции. В действительности же ситуация выглядит не столь радужно. Сейчас оба проекта не конкурируют между собой, а пытаются дополнить друг друга. Можно даже говорить о своеобразном разделении труда. Так, КНР занимается преимущественно экономическими проблемами, инфраструктурными проектами и т.д. Россия же как военная сверхдержава больше сосредоточивается на

вопросах безопасности, в том числе через механизмы ОДКБ (Организации договора о коллективной безопасности). При этом и экономическое присутствие России в Центральной Азии сохраняется, а Китай вносит свою лепту в обеспечение коллективной безопасности. От первоначальных планов сдерживания деятельности КНР в Центральной Азии России пришлось отказаться и перейти к переговорам. То есть в случае возникновения конфликта интересов или противоречий стороны не используют угрозы и санкции, а начинают обмен мнениями по появившимся проблемам с тем, чтобы прийти к взаимоприемлемому решению. Китай активно делает капиталовложения в такие проекты, как СИБУР и «Ямал-СПГ», но эти начинания лишь опосредованно относятся к ОПОП. Сложившаяся реальность кажется неоднозначной на фоне заявлений руководителей обеих стран об углублении и развитии стратегического партнерства. Значительная часть планов в области инициативы на территории России начиная с 1992 г. действует, так как практически сразу после распада СССР железнодорожные пути нескольких стран от Германии до Китая были объединены в единую сеть, что позволило наладить прямое сообщение между КНР и Западной Европой. Составы идут от порта Ляньюньган через Казахстан, далее через Россию, Белоруссию и Польшу. Сейчас это – один из основных сухопутных путей, связывающий страны ЕС и КНР, грузопоток между которыми непрерывно растет [Михайленко 2017].

Тормозом в реализации совместных инфраструктурных проектов является отсутствие в России механизмов их рыночного финансирования и нехватка ресурсов для предоставления долгосрочных кредитов. Создается ситуация, когда китайский партнер выполняет быстро свои обязательства за счет долгосрочного, более дешевого кредитования, а финансирование строительства российского сегмента осуществляется только за счет бюджетных средств, которых оказывается недостаточно, и введение в строй объекта неоправданно затягивается.

Существуют и большие различия в теоретических обоснованиях сторон, что естественно приводит к трудноразрешимым противоречиям. Главное из них заключается в том, что идеология ОПОП подразумевает образование крупных зон свободной торговли, тогда как парадигма ЕАЭС строится на защите внутреннего рынка стран, входящих в это объединение.

Россия, через которую пройдет значительная часть трансевразийского грузового маршрута, может существенно выиграть не только за счет модернизации своего участка пути, но и развития прилегающих к нему территорий, а также увеличения поступлений от транзита грузов. Китайские инвесторы могли бы ускорить развитие восточных регионов РФ, например Сибири, Приморского края, Поволжья и т.д.

В ходе реализации инициативы ОПОП Россия может подвергнуться риску, связанному с уменьшением объема перевозок по Транссибирской магистрали

из-за того, что КНР использует и совершенствует железнодорожный маршрут через Казахстан, который является более привлекательным по протяженности и низким размером своих тарифных ставок. Именно поэтому участки Транссибирской магистрали, проходящие к востоку от Уральских гор, могут оказаться невостребованными по их прямому назначению, а именно для транзитных перевозок грузов [Министр ЕЭК... 2017].

Руководству нашей страны необходимо заранее побеспокоиться об обеспечении конкурентоспособности отечественного железнодорожного транспорта, в особенности на отрезке Урал – Владивосток.

Решением может стать строительство высокоскоростной магистрали «Транс-Евразия», которую планируется проложить несколько севернее БАМа с тем, чтобы напрямую соединить порт Находка с европейской частью РФ.

Определенные положительные результаты по осуществлению инициативы ОПОП можно наблюдать в самом Китае. Налажено высокоскоростное железнодорожное сообщение между Пекином и г. Урумчи (столица провинции Синьцзян), который по проекту должен стать основным транспортным хабом на сухопутных маршрутах в страны юго-западной Азии и Европы. В расчете на эти рынки возводятся многочисленные города-спутники, открываются технопарки, строятся логистические развязки и т.д.

Северо-западные провинции КНР издавна развивались медленнее, чем восточные районы, но сейчас именно работы по реализации проекта ОПОП обеспечивают ускоренное развитие этих традиционно отстающих территорий. Благодаря такому подходу решаются не только чисто экономические, но также этнические, демографические и социальные задачи.

Продолжается структурная реорганизация экономической модели КНР. Провозглашенный ранее переход к новым драйверам роста затянулся. К применяемым прежде рычагам относятся инвестиции из-за рубежа и массовый экспорт товаров, в первую очередь ширпотреба. К новым тенденциям можно отнести курс на удовлетворение и увеличение внутреннего спроса. Уже десятый год продолжается снижение темпов прироста экономических показателей. Снизились общие объемы внешней торговли (как импорта, так и экспорта). Экономические проблемы КНР обострились в связи с торговой войной, связанной США и оказавшей негативное влияние на ожидания рынков по всему миру. Сейчас китайская власть продолжает использовать метод дозированного адресного стимулирования. Снова обострилась проблема избытка мощностей, грозящая началом кризиса перепроизводства. По мнению аналитиков, не было замечено серьезных прорывов в деле реформирования экономической системы КНР. Анонсированный ранее перечень мер по увеличению внешней открытости рынка, в том числе и финансового, с целью привлечения дополнительных инвестиций пока остается на уровне деклараций.

Китай твердо намерен уменьшить тарифы на операции по импорту для определенных товарных групп. С 1 июля 2018 г. для всех потенциальных торговых партнеров тарифная ставка была снижена для более чем 1500 наименований товаров. К ним относятся бытовая техника, одежда, обувь, спортивные и кухонные принадлежности, изделия пищевой промышленности и бытовая химия. Подобное уменьшение тарифных ставок является важным шагом, позволяющим укреплять и развивать многогранную экономическую систему, повышая благосостояние собственного населения. Еще одним позитивным фактором такой политики можно считать особый вклад в общее развитие мировой экономики.

Существует и ряд трудноразрешимых проблем на пути развития торговых и экономических отношений между КНР и РФ. С декларативной точки зрения все выглядит безоблачно. Стороны обмениваются комплиментами, провозглашают «стратегическое всеобъемлющее партнерство» и т.д., но при этом речи о создании полноценного союза не идет. В экономическом сотрудничестве ключевым событием 2019 г. стало успешное завершение строительства и ввод в строй газопровода «Сила Сибири».

Одной из наиболее очевидных проблем является усложненный перевод платежей между российскими и китайскими банками. Данные затруднения редко освещаются в СМИ. Например, представители китайской банковской системы по-своему интерпретируют введенные Западом санкции против России. Это приводит к тому, что определенные банки Китая задерживают платежи или вовсе могут отказаться от выполнения банковских операций, не указывая причины подобных решений. Существующие санкции не запрещают КНР проводить расчетные действия, но некоторые негласные указания руководства тормозят торговый процесс. Данный факт является вполне объяснимым, так как общий товарооборот Китая и США составляет 600 млрд долл., а КНР и России всего лишь 100 млрд долл. Ранее поставленную планку по увеличению товарооборота до 200 млрд долл. в 2020 г. пришлось скорректировать и перенести на 2024 г.

На сегодняшний день китайский бизнес на территории РФ заинтересован только в нескольких крупных проектах, которые касаются инвестиций в сфере нефтяной и газовой промышленности. Другие направления развития инновационных технологических решений пока не входят в сферу интересов китайской стороны. Специфическая ситуация сложилась в области лесного хозяйства, о чем более подробно будет сказано ниже. Сейчас основная масса расчетных операций между КНР и Россией осуществляется в долларах США. При таком положении Соединенные Штаты Америки могут постоянно контролировать все транзакции и валютные потоки, имея уникальную возможность манипулировать тарифной или санкционной политикой в одностороннем порядке [Djankov, Hendrix, Lowrence, Miner, Truman, Toohey 2016].

В последнее время около 20% общего товарооборота между КНР и Россией производится на основе платежей в национальных валютах. Объем экспортных и импортных операций практически идентичен при таких условиях. Данная тенденция указывает на то, что в определенной степени начинает применяться бартерная система, которая подразумевает взамен поставленного сырья из РФ предоставлять китайские товары на эквивалентную сумму. В таком случае дополнительных средств для обеспечения внешней торговли не требуется и можно игнорировать любые типы санкционных проявлений.

Разговоры о расчетных операциях в национальных валютах ведутся уже более четырех лет, но положительных сдвигов в этом направлении пока не наблюдается.

Россия прибегла к извлечению долларов из оборота при осуществлении платежей с торговыми партнерами еще более четырех лет назад, но особых успехов не достигла. В настоящее время этот процесс является более активным на фоне различных санкций. Типичным примером стала недавняя сделка группы компаний «АЛРОСА», выгодно продавшая в КНР алмазы, осуществляя денежные операции в рублях, которые проводились в рамках полномочий российского банка ВТБ.

Расчеты между партнерами в национальных валютах характеризуются тремя основными недостатками, к которым относятся:

– стоимость основных товарных групп на мировом рынке измеряется в долларах. Даже если алмазы были проданы посредством обмена китайской валюты на рубли, то их рыночная стоимость напрямую привязана к доллару;

– доллар является основополагающим фактором, определяющим конкретную стоимость остальных мировых валют. На сегодняшний день пока не существует аналогичного инструмента, который сможет выражать стоимость валюты определенной страны;

– при проведении расчетных операций в любой валюте в конечном счете появится необходимость купить товар, который продается исключительно за доллары. Китай, в силу собственной экономической мощи, сможет приобретать различное оборудование и технологии, прибегая к бартерной торговле, но остальные участники сделки будут нести дополнительные издержки.

Существующая в мире зависимость от доллара влечет за собой определенные проблемы при выходе партнеров на китайский рынок. Наличие развитой индустрии КНР создает значительную конкуренцию российским производителям. Пошлина на импортную продукцию в Китае составляет 12%. Чтобы снизить себестоимость поставляемых товаров, можно воспользоваться транспортным коридором со стороны Алтая, но особенность таможенного декларирования в КНР подразумевает определенные трудности, которые увеличивают время поставки и стоимость товара для конечного потребителя. Такие правила являются неприемлемыми для китайского рынка, где принято

осуществлять оплату сегодня, а получать товар уже завтра. Несоответствие такому порядку негативно сказывается на размере предполагаемой прибыли.

Эксперты и государственные структуры подталкивают бизнес к решительным действиям, но представители торговых компаний не ощущают полноценной поддержки с их стороны. Кроме того, на данный момент существует еще и валютный контроль, предусматривающий привлечение к уголовной ответственности за недополученную валютную выручку. Создается впечатление, что государство перекладывает с себя ответственность на бизнес за обеспечение работы межстрановых экспортных механизмов [Ansar 2016].

Для развития эффективной системы государственно-частного партнерства (ГЧП) требуется 1 трлн долл. При проведении детального анализа взаимодействия частных структур с государственными органами становится очевидным, что положительных примеров на сегодняшний день не существует.

Становится все более актуальным вопрос экономического развития Дальнего Востока. При отсутствии позитивных образцов для подражания среди частных промышленных компаний внутренний рынок региона не сможет успешно развиваться. Если государство не будет выстраивать эффективные производственные цепочки, то инвестиционная привлекательность за счет исключительно налоговых льгот не сможет продержаться долго во времени. Если у крупных компаний, таких как РУСАГРО и СОЛЛЕРС, уменьшатся шансы повышать собственную эффективность, то мелкие предприятия столкнутся с системными проблемами. При такой ситуации многие компании могут полностью отказаться от экспорта с Дальнего Востока. Именно поэтому необходимо оперативно преодолевать возникающие трудности, связанные с транспортными коридорами, таможенными пунктами, пошлинами.

Еще одной проблемой является непрофессиональная работа российских экспортных центров, основная деятельность которых связана с тем, чтобы помогать продвигать отечественные товары на китайский рынок. Сотрудники таких организаций способствуют их размещению в экспозиции тематических выставок. После демонстрации образцов никакого продвижения не наблюдается, в частности из-за особенностей этого вида деятельности в Китае. Отсутствие эффекта происходит не от многочисленности выставочных площадок, а из-за их недостаточно выраженной специализации. В Китае экспозиционный бизнес относительно молод по сравнению с другими странами. На сегодняшний день нет такого четкого деления по отраслям, как в западно-европейских странах или в России. Именно поэтому представитель развивающегося направления бизнеса может оказаться вместо выставки розничных продуктов питания на выставке «HoReCa». Название «HoReCa» происходит от первых двух букв в словах **H**otel, **R**estaurant, **C**afe / **C**atering [Herve de Treglode 2018]. Результатом такого подхода являются выброшенные деньги и потерянное время. Наименование выставки, как правило, ни о чем не

говорит. Китайцы, если их спросить, будут всегда соглашаться с представителями бизнеса, но на самом деле там нет того, что требуется для перспективного развития. Чтобы определить подходящую выставку, необходимо обратиться к российским коллегам, которые уже участвовали в аналогичных мероприятиях, получив реальную отдачу в виде продаж.

С китайскими бизнесменами достаточно сложно общаться не только из-за языкового барьера, так как подходы к делу и решению многих вопросов у них в большей степени бюрократизированы. К отправке каждой партии им нужно собрать пакет документов на 100 страниц. Они очень внимательны к мелочам и деталям, которые нашим гражданам кажутся несущественными и обычными. Многим представителям бизнеса приходится тратить время и средства на открытие представительств, чтобы решать административные вопросы. Кроме того, контрагенты компании, хотя и берут на себя обязательства по продвижению продукции, рассчитывают на значительные инвестиции в рекламу товара с российской стороны.

Непрофессиональная работа российских экспортных центров совместно с торговым представительством РФ в Китае также накладывает свой негативный отпечаток на продвижение оригинальной российской продукции на китайском рынке.

Что касается проблемы использования иностранной рабочей силы на территории РФ, то, на наш взгляд, возможность миграционной угрозы для Дальнего Востока, по мнению автора, сильно преувеличена. Российские чиновники манипулируют цифрами, смешивая проблемы различного характера для повышения масштаба опасности. Массовая миграция отмечалась в 90-х годах XX в., когда экономическая ситуация в Китае заставляла людей покидать родину. На сегодняшний день снижение курса рубля и повышение зарплат в Китае привели к снижению уровня мигрантов. Официальных данных по их количественному составу в рассматриваемом регионе нет, но прирост выходцев из Средней Азии на Дальнем Востоке заметен, поскольку их задействовали для осуществления строительных операций перед саммитом АТЭС в 2012 г.

Недостаточно хорошо организованная профессиональная деятельность федерального центра привела к сокращению рабочих мест и уровня доходов местных жителей. Отток населения, который в период с 2000 по 2009 г. сократился с 69 118 до 42 154 человек, снова вырос, демонстрируя показатели с 2012 по 2016 г. на уровне 81–88 тыс. человек в год.

По оценке некоторых высокопоставленных лиц РФ, сложившееся положение является серьезной угрозой Дальнему Востоку при росте миграции. Число иностранцев, которые были поставлены на миграционный учет в первой половине 2017 г., составило более 400 тыс. человек, что на 15% больше, чем за аналогичный период 2016 г. Такая ситуация может представлять угрозу

общественной безопасности, способствовать росту преступности и криминализации экономики. Нелегальная миграция и постоянный отток коренного населения оценивается цифрой порядка 2 млн человек за 20-летний отрезок времени.

Всеобщая глобализация выражается в сотрудничестве стран, которые обмениваются не только товарами и услугами, но и культурными ценностями. Китай предлагает совместную работу в рамках инициативы ОПОП, выступая за реализацию пяти основных мер. К ним относятся: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление связей между народами. Данные пять критериев взаимно дополняют и усиливают друг друга. Для достижения сбалансированных взаимовыгодных отношений между странами необходимо уважать, понимать и поддерживать партнеров, учитывая особенности культурного, исторического и экономического развития.

Существует возможность более масштабно раскрыть весь потенциал несырьевого экспорта со стороны России. Таким инструментом является эффективное использование выставок, например выставки «Ехро» и других типов электронных платформ и площадок, которые будут продвигать оригинальные товары и услуги с маркой «Made in Russia». Другим ярким примером является прошедший Чемпионат мира по футболу, который позволил китайским потребителям более глубоко понять Россию. За время проведения чемпионата нашу страну посетили более 100 тыс. болельщиков из КНР, которые покупали российскую продукцию, открывая для себя потенциальные возможности будущих приобретений.

Наращивание экономических и торговых отношений между Россией и КНР необходимо осуществлять с применением всех существующих методов партнерства, которые затрагивают интересы В2 С, В2 В¹ и другие отличительные формы трансграничной электронной торговли для оперативного продвижения высококачественных российских товаров на китайском рынке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об экспорте российского леса в КНР. В средствах массовой информации встречаются высказывания о том, что вся Сибирь и Приморье сданы в аренду китайцам, где идет крупномасштабная вырубка лесов, которая через десять лет может привести к опустошению упомянутой местности. Действительно, Китай является крупнейшим импортером древесины из нашей страны, в которой находится примерно 1/5 ее мировых запасов на общей площади 750 млн га, что больше чем у Канады, Швеции, Норвегии, США и Финляндии вместе взятых. В дополнение к этому

1. В2 С и В2 В – это два разных типа продаж. Первый относится к физическим лицам, второй применяется для нужд компаний.

не нужно забывать о наличии удобной сухопутной границы и качестве вывозимой продукции, так как не все типы древесины годятся для промышленной заготовки. Резервы РФ оцениваются в 30 млрд, что в 3 раза превосходит аналогичные показатели в Канаде и в США. По данным официальной статистики, экспорт лесопроductии из РФ в КНР составляет в год около 22 млн кубометров.

Вывоз леса в обход таможенного контроля практически невозможен и если существует, то в мизерных объемах. Однако остается вероятность махинаций на самой таможне с занижением объема экспорта. Примерный масштаб можно рассчитать исходя из потребностей Китая. Они составляют примерно 170 млн кубометров в год, около 100 из них покрывает сама КНР, а еще не менее 30 млн кубометров приходится на поставки из других стран. Получается, что если исходить из смелого предположения о том, что только в России поставщики занижают объемы вывоза, то в общей сложности мы продаем соседу 40 млн кубометров древесины в год.

Если допустить, что Китай будет покупать российский лес такими же темпами, что и сейчас, то даже с учетом рассчитанного нами черного экспорта на вывоз всех промышленных лесных ресурсов ему потребуется примерно 800 лет, чего просто не может произойти.

Во-первых, КНР наращивает собственное производство леса и через 10–15 лет намерена существенно сократить объемы импорта. Во-вторых, лес является возобновляемым ресурсом и при грамотном подходе практически неисчерпаемым. В-третьих, не мы одни работаем с Китаем, например Канада, Новая Зеландия, Финляндия, США и другие государства жестко конкурируют за право продажи лесопроductии в КНР.

Все вышеизложенное не снимает проблем, накопившихся в лесной промышленности России. В некоторых слоях общества нашей страны бытует ложное представление о том, что Сибирь и Приморье стонут от количества китайских лесорубов, ворующих и тайно вывозящих древесину к себе на родину. Подобная трактовка сложившейся ситуации далека от реального положения дел, так как лес, в том числе и незаконно, рубят для китайцев сами граждане России, и другой стороне не приходится подвергать себя неоправданному риску на территории чужого государства. Они лишь покупают и отправляют предложенную продукцию к себе домой, зачастую участвуя в незаконных сделках, которые невозможно заключить без российского партнера. Масштабы теневого бизнеса достаточно велики, но нельзя упускать из вида и тот факт, что вырубка производится варварскими способами, беспорядочно, с грубыми нарушениями норм и никто не задумывается о мерах по восстановлению леса.

Также вызывает беспокойство тот факт, что на местах вырубки образуются несанкционированные свалки, которые часто приводят к возгоранию.

Сегодня именно пожары губят гораздо больше леса, чем его незаконная рубка. Только в 2018 г. в России из-за них пострадало 4,5 млн га. Если бы это был только промышленный лес, то его вывозили бы в Китай, в течение 22 лет.

Говорить о том, что государство закрывает глаза на ситуацию было бы несправедливо. Первым делом была поставлена задача снизить вывоз необработанного круглого леса и простимулировать экспорт пиломатериалов. Поэтому еще в 2008 г. были введены заградительные таможенные пошлины на экспорт кругляка, что и привело к резкому сокращению вывоза лесного сырья и развитию собственной переработки.

Вместе с тем редкие и особо ценные лесные породы вырубать запретили под угрозой уголовного наказания. В отношении леса стали применять систему ЕГАИС². В итоге каждое дерево отслеживается на всем пути его «коммерческой жизни» – от места, где оно было срублено, до пересечения границы. Как результат – в 6 раз возрос объем выявляемых нарушений и количество возбужденных уголовных дел.

На государственном уровне был поставлен вопрос о стимулировании глубокой переработки древесины с использованием сложных биохимических технологий. Для этого создаются отраслевые кластеры, проекты государственно-частного партнерства [Stronski, Ng 2018].

С 1 января 2019 г. вступил в силу закон об обязательном восстановлении вырубленных, погибших и поврежденных лесов, который позволит сохранить природные богатства России, и понятие «безвозвратные потери леса» должно исчезнуть. Этот законодательный акт предписывает использовать саженцы той же породы дерева, которая была вырублена. Другими словами, вместо сибирского кедра ольху теперь нельзя посадить. Работы должны быть выполнены не позднее, чем через один год после рубки. Упомянутым документом устанавливается принцип, согласно которому 1 га рубки леса равен 1 га его восстановления. Существует также возможность вносить равнозначную сумму в специализированный фонд, который занимается восстановлением леса самостоятельно.

Нельзя отрицать существование определенного сговора части китайских и российских теневых структур, которые в погоне за прибылью нарушают действующие юридические нормы. Только государственные органы соответствующего профиля способны навести порядок в лесной промышленности с помощью тарифных рычагов и ужесточения контроля за экспортом древесины. Можно ожидать, что подобные меры не вызовут одобрения у тех бизнесменов, которые используют теневые схемы, что может привести к протестным действиям и приданию политической окраски этой проблематике.

2. ЕГАИС – единая государственная автоматизированная информационная система.

В будущем нужно стремиться к тому, чтобы перейти от экспорта сырья и продукции первичной обработки к производству и вывозу мебели, бумаги, домокомплектов и т.д.

В 1995 г. было подписано многостороннее межправительственное соглашение о взаимодействии и экономическом сотрудничестве в районе реки Туманган. Его участниками стали КНР, РФ, Монголия и оба корейских государства.

В 1996 г. программа «Туманган» была преобразована в одноименный проект, географически охвативший территории южной части Приморского края РФ (включая Находку и Уссурийск), Северокорейскую провинцию Северный Хамген, АО Яньбянский в китайской провинции Цзилинь. Основная цель проекта состояла в достижении максимальной скорости экономического развития данных территорий с одновременным ростом благосостояния их населения. В качестве основного инструмента осуществления поставленных задач должен был служить резкий рост транзита через данные территории и развитие торговли, но противоречия в интересах государств – участников проекта привели к отсутствию должного уровня координации действий по его реализации.

В 2005 г. истек срок первоначально намеченных межгосударственных соглашений, в связи с чем они были пролонгированы. При этом была существенно усовершенствована законодательная база взаимодействия по проекту, а сама программа стала называться «Расширенной туманганской инициативой».

Что касается транспортной составляющей, не реализованной в первые годы действия программы, то она начала приносить плоды. Программа была разделена на конкретные проекты, которые в основном связаны с транспортной и логистической структурой стран северо-восточной Азии. Некоторые из них уже реализованы и действуют, а другие находятся на разных этапах выполнения. Так, с 2000 г. работает паромная линия, соединившая Зарубино (Россия) и Сокчо (Южная Корея). Позже, в 2002 г., этот маршрут был продолжен до Владивостока, а с 2009 г. – продлен до японского порта Ниигата. В 2012 г. была успешно завершена реконструкция порта Зарубино. С 2013 г. снова заработала железнодорожная линия, связывающая Махалино (Россия) и Хучунь (Китай).

Заслуживает внимания проект по соединению Транссиба с Транскорейской железнодорожной магистралью, реализация которого может занять около пяти лет и обойдется примерно в 3,5 млрд долл. Имеются планы по модернизации незамерзающего глубоководного порта с осадкой более 11 м Раджин (КНДР), а также другие намерения, например строительство моста через реку Туманная [Herve de Treglode 2018]. Отметим, что все они являются отдельными самостоятельными составляющими более глобального плана по созданию на стыке границ трех стран – РФ, КНДР, КНР – единого крупного транс-

портно-логистического узла. Реализация этого плана уже наблюдается. Например, значительно улучшилось состояние дорожной сети, в частности шоссейных магистралей, связавших территории севера КНР (Хуньчунь и Чанлинцзы) и РФ (Краскино и Славянка). Уже работает железнодорожная развязка, соединившая дорогу Тумэнь – Камышовая, станцию Хасан и Транссиб, по которой происходит транспортировка различных грузов в обоих направлениях.

КНР активно пользуется российскими портами южного Приморья, такими как Зарубино, Славянка, хотя и в относительно небольших по сравнению с общим товарооборотом объемах.

Еще в 2009 г. Госсовет КНР утвердил программу освоения реки Туманган, называемой по-китайски Тумэньцян, которая протекает через территорию КНР, РФ и КНДР, впадает в Японское море и является самым удобным водным путем в континентальные районы перечисленных стран. В рамках инициативы «Туманган» давно прорабатывается возможность строительства автотрассы «Цюаньхэ – Фанчуань», планируется создание еще одного пограничного пропускного пункта, состыкованного с местным шоссе в Россию. Есть планы по модернизации речного порта в г. Фанчуань, по реконструкции автотрассы Краскино – Подгорное. Рассматривается вопрос об открытии пограничного пропускного пункта в Подгорном, а также принятие мер по улучшению качества и повышению комфортабельности трансграничных пассажирских перевозок.

Руководство Южной Кореи энергично продвигает идею об организации зоны свободной торговли с ЕАЭС по образцу той, что уже существует, например с Вьетнамом. Однако страны, входящие в ЕАЭС, пока не готовы полностью открыть свои рынки для южнокорейских товаров, прежде всего – автомобилей, бытовой и компьютерной техники. При этом южнокорейское руководство не спешит увеличивать поток сельскохозяйственной продукции из ЕАЭС. Несмотря на разногласия, Россия и Южная Корея продолжают диалог по формированию и подготовке соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Южной Кореей.

РФ планирует сотрудничество с обоими корейскими государствами в трех сферах: 1) поставка газа по трубопроводу; 2) объединение электрических сетей; 3) модернизация систем железнодорожных перевозок. Уже на протяжении десятилетия ведутся переговоры о строительстве газопровода России в Южную Корею через территорию Северной Кореи, которые сейчас вышли на стадию обоснования экономической выгоды. Россия намерена использовать хозяйственные проекты для решения внешнеполитических задач, в частности усиления своего влияния в данном регионе. Однако необходимо быть готовыми к тому, что их реализация может затянуться на неопределенный период, поскольку вопросы финансирования пока до конца не решены.

Китай активно втягивает в свою экономическую орбиту страны, ранее входившие в состав СССР. Одним из основных инструментов, используемых КНР на постсоветском пространстве, является предоставление кредитов, в результате чего страны СНГ оказываются в долговой зависимости от КНР.

Интересы Китая в этом регионе не замыкаются только на ОПОП. Так как он нуждается в новых рынках сбыта, прежде всего стройматериалов, а именно стали и цемента, производство которых для внутренних нужд стало избыточным. Сверх этого, имея в своем составе весьма беспокойный Синьцзяно-Уйгурский автономный округ, КНР естественно рассматривает страны Центральной Азии, как союзников в противодействии распространению исламского радикализма. Не остается без внимания и сотрудничество в сфере обеспечения безопасности.

Киргизия за сравнительно короткий период нарастила объем своего долга КНР почти до 30% от ВВП. Согласно официальной статистике, сейчас она должна КНР 1,7 млрд долл., тогда как еще в 2008 г. сумма этого долга была меньше 10 млн долл.

КНР предоставляет Киргизии средства на осуществление масштабных энергетических и инфраструктурных проектов, таких как модернизация Бишкекской ТЭЦ, выполненная китайской фирмой ТВЕА за 386 млн долл., строительство электроподстанций «Кемин» и «Датка», а также соединяющей их ЛЭП на общую сумму в 400 млн долл., сооружения рассчитанного на переработку 800 тыс. т нефти в год НПЗ в г. Кара-Балта стоимостью в 250 млн долл. Китайский бизнес допущен к участию в разработке золотоносных месторождений, что вызывает протесты местного населения.

КНР активно предоставляет разнообразные гранты, например на развитие дорожной сети, археологические исследования и даже на совершенствование вооруженных сил. В 2017 г. сумма грантов составила 14 млн долл. Создаются с помощью этих средств учебные заведения: школа с интенсивным обучением китайскому языку, открытая в 2017 г., Бишкекский совместный университет «Нового шёлкового пути» филиал Северо-Западного университета КНР г. Кара-Балта (Чуйская область).

Республика Казахстан для Китая является крупнейшим торговым партнером в СНГ после России, а КНР для Казахстана – второй по значимости после РФ [Внешняя торговля 2017].

Характерным примером ситуации с экономическим проникновением КНР в Среднюю Азию может быть с. Хоргос на китайско-казахстанской границе. Именно его власти КНР наметили в качестве так называемого «сухого порта», или главного плацдарма для продвижения в этот регион, для реализации там инициативы ОПОП. Это вызывает беспокойство у руководства России, рассматривающей упомянутую территорию как сферу своего влияния.

По официальным данным, за время самостоятельного существования республики в нее из КНР поступило примерно 20 млрд долл. при общем объеме прямых зарубежных инвестиций в 330 млрд долл. По оценкам некоторых экспертов, вложения КНР в Казахстан составляют до 80 млрд долл., а казахская нефтегазовая промышленность уже на четверть принадлежит китайским компаниям. Продолжен газопровод, соединивший оба государства.

В апреле 2019 г. на очередном форуме ОПОП между странами был заключен договор об осуществлении 55 различных проектов на территории республики на общую сумму в 27,6 млрд долл.

Правда, проекты КНР в Казахстане пока остаются на уровне «протоколов о намерениях». Характерным примером здесь может служить с. Нуркент, близости от Хоргоса, которое должно было стать еще одним «сухим портом». По планам, его население должно было вырасти до 100 тыс. человек, которых предполагалось занять в совместных китайско-казахских проектах, но пока здесь проживают менее 2 тыс. человек.

В 2018 г. объединение «Казахские железные дороги» продало китайскому грузоперевозчику COSCO долю в 49% в Хоргосе. Это значит, что контрольный пакет остался у казахской стороны. Деловая активность КНР оценивается не всегда положительно. Например, предложенные властями республики изменения Земельного кодекса вызвали массовые протесты из-за опасений рядовых граждан, считающих, что новая редакция позволит китайским корпорациям просто покупать целые области.

Казахстан должен КНР примерно 12 млрд долл. Однако Китай, согласно официальной статистике, пока не является единственным его кредитором, нельзя забывать о Нидерландах (50 млрд долл.), Великобритании и США [Объем 2017].

В декабре 2013 г. главы государств КНР и Украины подписали договор о дружбе и сотрудничестве и совместную декларацию о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства, по которой Украина предлагала участие китайских корпораций в отраслевых проектах, например по сооружению электростанции, модернизации угольных шахт, совместному производству автомобилей. Еще до этого, в 2012 г. Украина получила от КНР кредит 3,6 млрд долл. под поставки зерновых, но не выполнила своих обязательств.

В 2016 г. между странами был подписан меморандум о сельскохозяйственном сотрудничестве, тогда же SOFCO быстро возвела и открыла в Николаеве терминал для перевалки зерна, который обошелся в 75 млн долл. Одновременно была согласована дополнительная кредитная линия на 3,6 млрд долл. для нужд «Нафтогаза Украины» [Green 2016].

В 2018 г. украинская сторона заявила о намерении получить дополнительные кредиты у КНР на 7 млрд долл., которые планировалось истратить на

различные инфраструктурные проекты, например на строительство автотрассы Кременчуг – Николаев через Одессу.

В июне 2019 г. был взят кредит в 10 млрд долл. Китайские компании (Xinwei Group и Skyrizon) попытались приобрести более половины предприятия «Мотор Сич» в оборонном секторе.

В Узбекистане с помощью кредитов, предоставленных КНР, реализуется свыше 50 крупных проектов, в частности строится железнодорожная магистраль, которая свяжет КНР с Киргизией через территорию Узбекистана. Это строительство должно обойтись примерно в 1,3–2 млрд долл. В текущем году страны приступили к созданию совместного инвестиционного фонда с капиталом в 1 млрд долл. Сейчас в Узбекистане зарегистрировано более 1000 фирм, частично или полностью принадлежащих китайскому бизнесу. В 2017 г. создана Ассоциация китайских предприятий в Узбекистане.

Долг Таджикистана КНР достигает 1,2 млрд долл., что составляет 50% от общей внешней задолженности страны. Китай проявляет интерес к таким отраслям, как энергетика и горнодобывающая промышленность. В 2018 г. китайской компании ТВЕА была предоставлена лицензия на освоение месторождения золота в Верхнем Кумарге, которая дана в счет погашения долга за работы по усовершенствованию ТЭЦ (Душанбе-2). Кроме того, Китай профинансировал и осуществил еще несколько крупных инфраструктурных проектов, например строительство таких объектов, как фабрика «Чунтай», тоннель Чдван – Вахдат и т.д. В 2019 г. было подписано соглашение о передаче месторождения серебра «Якчилва» инвесторам из Китая с условием освобождения от уплаты налогов на семь лет, отмены всех пошлин на импорт технического оборудования при договоренности найма на работу и обучении местных жителей. Месторождение находится на Памире на высоте 4500 м над уровнем моря.

В последнее время было замечено интенсивное увеличение военного присутствия КНР на территории Таджикистана в виде китайских боевых объектов. Существует также информация о подписании в 2019 г. секретного соглашения, предусматривающего строительство силами Китая около 40 блокпостов в местах прохождения таджикско-афганской границы, где проблемы безопасности стоят особенно остро, учитывая, не в последнюю очередь, ее протяженность и специфику горного рельефа.

Экономика Туркмении в основном базируется на добыче газа, 90% которого экспортируется в Китай.

В списке основных инвесторов в экономику Грузии КНР занимает лишь пятое место. С 2018 г. между странами действует договор о свободе торговли.

Для Армении Китай находится на втором месте после РФ по объему внешнеторгового оборота. Реализуется несколько совместных проектов.

Кроме того, компания Sinohydro привлечена к созданию участка логистического коридора «Север – Юг», проходящего через территорию Армении.

Замедление темпов роста экономики КНР вызывает беспокойство у руководства России. Это естественно, поскольку в отличие от прочих соседей Китая, усматривающих в данной тенденции свой шанс на занятие высвобождающихся ниш глобального рынка и перенаправление к себе инвестиций с Запада, на российской экономике проблемы в хозяйстве Китая могут сказаться только негативно. Сейчас КНР заняла место самого крупного экономического и торгового партнера РФ, ее доля в общем внешнеторговом товарообороте России выросла до 15,75%. С 2015 г. КНР стала самым крупным покупателем нашей нефти. На 2018 г. ее доля составила 27,7% от всего нефтяного экспорта РФ. Нужно учитывать и то обстоятельство, что именно Китай сейчас является основным поставщиком особенно важной для России высокотехнологичной продукции. Многие прогнозы относительно сотрудничества РФ с КНР после начала конфронтации с Западом пока не оправдываются, уровень стратегического партнерства как в экономике, так и в геополитике можно считать достаточно высоким и такому союзнику как КНР у сегодняшней России альтернативы нет.

Внутренние проблемы, существующие в Китае, выходят за рамки одного государства и должны привлекать внимание к их углубленному изучению в России. К ним прежде всего относится стагнация в экономике, которая может быть чревата следующими явлениями, например такими как:

- запал для фидиля мирового хозяйственного кризиса;
- передел сфер влияния крупнейших технологических компаний;
- усиление международной политической конфронтации;
- влияние на внутреннюю ситуацию в России.

По мнению экспертов, в КНР успешно реализуется модель стабильного роста при игнорировании западных демократических принципов. Именно положительным примером «технократического» управления экономикой КНР оправдывалась ползучая национализация и усиление роли государственного регулирования. Предположим, что в КНР разразится кризис и темпы роста экономики снизятся, например до 4%. Это вызовет обвальную серию банкротств, снижение уровня жизни, коллапс на рынках недвижимости и т.д. В результате неизбежно наступит разочарование в данной концепции развития, что может привести к политическим потрясениям уже внутри России.

На фоне общего сокращения объемов прямых зарубежных инвестиций в мире, которые в 2018 г. уменьшились на 19%, китайские прямые капиталовложения тоже начали следовать этой тенденции.

Россия за несколько последних лет оказалась в серьезной зависимости от внутренней ситуации в КНР, став, по сути дела, заложником китайских успехов. Если нынешняя система глобального экономического взаимодействия

будет разрушена, то наша страна, как и весь остальной мир, понесет весьма серьезные потери. Существующая система международного экономического сотрудничества несовершенна, но перестраивать ее следует очень осторожно и предельно мягко.

Нельзя не отметить проявление синофобских настроений в странах Центральной Азии. Их распространению способствуют активная экономическая экспансия КНР, коррупция собственных властей, экологические проблемы, которые неизбежно сопровождают реализацию крупных проектов, за каждым из которых стоит китайский капитал. Тем не менее китайский бизнес продолжает освоение Центральной Азии, увеличивает свои вложения в этот регион.

Не вызывает сомнения, что Россия будет продолжать активное использование всех внешнеполитических инструментов, включая международные организации, такие как ШОС, для продвижения своего плана по укреплению системы коллективной и глобальной безопасности и строго выполнять все ранее заключенные соглашения, активно развивать сотрудничество во всех сферах, но не станет принимать такие обязательства, которые превратят сотрудничество Китая и России в антиамериканский альянс. Будут предприниматься дальнейшие шаги по гармонизации и сопряжению деятельности ЕАЭС с китайской инициативой ОПОП.

Библиография

Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран за январь-декабрь 2017 года // Федеральная таможенная служба: Официальный сайт. 2017. 14 марта. URL: http://old.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=26531:-2017-&catid=51:2011-01-24-16-27-51&Itemid=1977 (дата обращения: 12.09.2019).

Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 60 (12). С. 69–81.

Ли Хуэй. Большая симфония для всех стран // Известия. 2017. 16 мая. URL: <https://iz.ru/news/705680> (дата обращения: 10.12.2019).

Михайленко А.Н. Перспективные внешние направления развития Евразийского экономического союза // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 122–138.

Министр ЕЭК Сергей Сидорский: «Формирование Большого Евразийского партнерства должно способствовать инновационному развитию реального сектора экономики стран Союза» // ЕЭК: Евразийская экономическая комиссия: Официальный сайт. 2017. 1 июня. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/1-06-2017.aspx> (дата обращения: 15.11.2019).

Объем китайских инвестиций в Казахстан вырос в семь раз // Kazinform: Международное информационное агентство. 2017. 26 янв. URL: https://www.inform.kz/ru/ob-emkitayskih-investitsiy-v-kazakhstan-vyros-v-sem-raz_a2993009 (дата обращения: 05.11.2019).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015). <http://kremlin.ru/acts/news/51129> // Президент России: Официальный сайт. 2015. 31 дек. (дата обращения 05.11.2019).

Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 38 (5). С. 47–67.

Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does infrastructure investment lead to economic growth or economic fragility? Evidence from China // Oxford Review of Economic Policy. 2016. N 32 (3). P. 360–390.

Djankov S., Hendrix C.S., Lawrence R.Z., Miner S., Truman E.M., Toohy F. China's Belt and Road Initiative: Motives, Scope and Challenges // PIIE: Peterson Institute for International Economics. 2016. March. URL: <https://piie.com/publications/piiebriefings/chinas-belt-and-road-initiative-motives-scope-and-challenges> (дата обращения: 05.10.2019).

Green is gold: The strategy and actions of China's ecological civilization // Geneva: UNEP, 2016. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/greenisgold_en_20160519.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

Hervé de Tréglodé Will the European Union love China's Silk Routes? // China Plus. 2018. 26 December. URL: <http://chinaplus.cri.cn/opinion/opedblog/23/20180226/95116.html> (дата обращения: 07.11.2019).

Stronski P. Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for international peace. 2018. 28 February. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673> (дата обращения: 01.11.2019).

References

Ansar A., Flyvbjerg B., Budzier A., Lunn D. Does infrastructure investment lead to economic growth or economic fragility? Evidence from China. Oxford Review of Economic Policy. 2016. N 32 (3). P. 360–390.

Djankov S., Hendrix C.S., Lawrence R.Z., Miner S., Truman E.M., Toohy F. China's Belt and Road Initiative: Motives, Scope and Challenges. PIIE: Peterson Institute for International Economics. 2016. March. URL: <https://piie.com/publications/piiebriefings/chinas-belt-and-road-initiative-motives-scope-and-challenges> (date of access: 05.10.2019).

Ministr EE`K Sergej Sidorskiy: «Formirovanie Bol'shogo Evrazijskogo partnerstva dolzhno sposobstvovat' innovacionnomu razvitiyu real'nogo sektora e`konomiki stran Soyuz» // EE`K: Evrazijskaya e`konomicheskaya komissiya: Oficial'ny`j sajt [ECE Minister Sergei Sidorsky: «The formation of the Greater Eurasian Partnership should contribute to the innovative development of the real sector of the economy of the Union countries». ECE: Eurasian Economic Commission: Official website]. 2017. 1 June. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/1-06-2017.aspx> (date of access: 11.15.2019). (In Russ.)

Vneshnyaya trgovlya Rossijskoj Federacii po osnovny`m stranam i gruppam stran za yanvar`-dekabr` 2017 goda. Federal'naya tamozhennaya sluzhba: Oficial'ny`j sajt [Foreign trade of the Russian Federation by major countries and groups of countries for January-December 2017. Federal Customs Service: Official website]. 2017. 14 March. URL: http://old.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=26531:-2017-&catid=51:2011-01-24-16-27-51&Itemid=1977 (date of access: 12.09.2019). (In Russ.)

Frolova I.Yu. Kitajskij proekt «E`konomicheskij poyas Shyolkovogo puti»: razvitie, problemy`, perspektivy` // Problemy` nacional'noj strategii [Frolova I.Yu. The Chinese project «Economic belt of the Silk Road»: development, problems, prospects // Problems of the national strategy]. 2016. No. 38 (5). S. 47–67. (In Russ.)

Green is gold: The strategy and actions of China's ecological civilization. Geneva: UNEP, 2016. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/greenisgold_en_20160519.pdf (date of access: 15.11.2019).

Hervé de Tréglodé Will the European Union love China's Silk Routes? // China Plus. 2018. 26 Dec. URL: <http://chinaplus.cri.cn/opinion/opedblog/23/20180226/95116.html> (date of access: 07.11.2019).

Larin V.L. Rossijsko-kitajskoe transgranich'e v kontekste proektov evrazijskoj integracii. Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya [Russian-Chinese cross-border area in the context of Eurasian integration projects. World Economy and International Relations]. 2016. N 60 (12). P. 69–81. (In Russ.)

Li Xue`j. Bol'shaya simfoniya dlya vsekh stran [Li hui. Great symphony for all countries]. Izvestiya. 2017. 16 May. URL: <https://iz.ru/news/705680> (date of access: 10.12.2019). (In Russ.)

Mikhailenko A.N. Perspektivny'e vneshnie napravleniya razvitiya Evrazijskogo e'konomicheskogo soyuza // Voprosy` nacional'ny`x i federativny`x otnoshenij [Prospective external directions of the development of the Eurasian Economic Union // Questions of national and federal relations]. 2017. N 1 (36). P. 122–138. (In Russ.)

Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (2015) [National Security Strategy of the Russian Federation (2015)]. President of Russia: Official website. 2015. 31 Dec. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (date of access: 11.05.2019). (In Russ.)

Stronski P. Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for international peace. 2018. 28 Feb. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673> (date of access: 01.11.2019).

Ob'em kitajskix investicij v Kazaxstan vy`ros v sem` raz // Kazinform: Mezhdunarodnoe informacionnoe agentstvo [The volume of Chinese investment in Kazakhstan has grown seven times. Kazinform: International News Agency]. 2017. 26 Jan. URL: https://www.inform.kz/en/ob-emkitajskih-investicij-v-kazahstan-vyros-v-sem-raz_a2993009 (date of access: 05.11.2019). (In Russ.)